4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 16 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

АПРЕЛЬ Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Телефон редакции и конторы 5-49-78. 1926 ГОД

ТОПОРНАЯ РАБОТА

Рис. Б. Антоновского

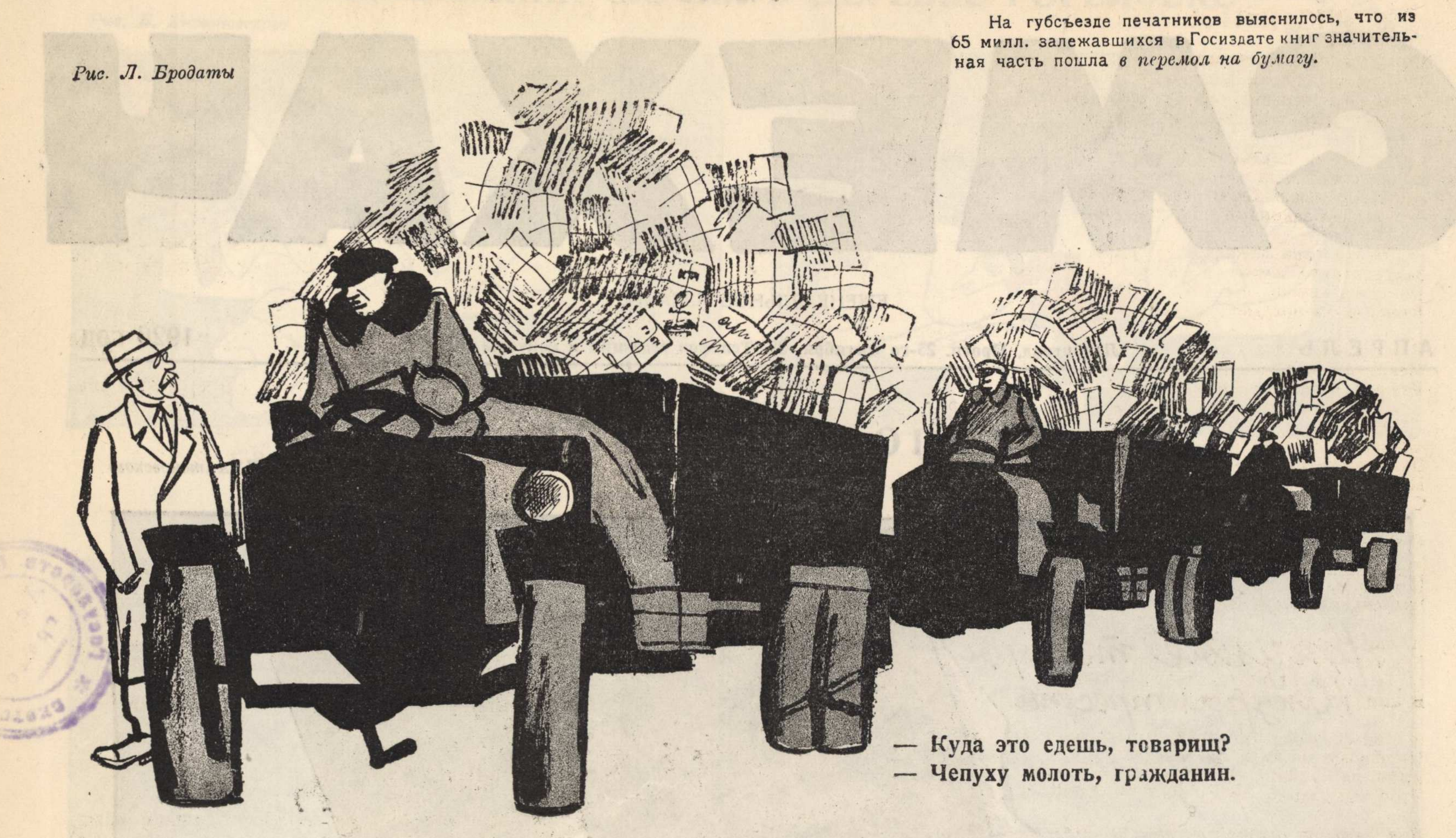

Приятели-Златоусты! Вы можете в дальнейшем изготовлять первоклассные топоры — все равно. Что написано пером, того не вырубишь топором. Даже самым первоклассным.

МЕЛИ, ЕМЕЛЯ, ТВОЯ НЕДЕЛЯ

На губсъезде печатников выяснилось, что из 65 милл. залежавшихся в Госиздате книг значительная часть пошла *в перемол на бумагу.*

Рис. Л. Бродаты

— Куда это едешь, товарищ?
— Чепуху молоть, гражданин.

ДОМАШНЕЕ ГОРЕ

Когда на дом обрушилось несчастье, это сразу видно. Достаточно войти на минуту в такой дом—и вы по тысяче признаков догадаетесь, что тут неблагополучно.

Люди движутся, как тени, боясь смотреть друг другу в глаза, чтобы не выдать волнения; говорят шопотом, а оставаясь в одиночестве—сидят, уставив глаза в одну точку, и тогда дают волю своему отчаянию.

А в это время в одной из комнат жутко пустеет стул, на который, быть может, уже никто не сядет. И сбоку боязливо жмутся люди, и не хотят поверить, что стул пуст. В руках у более нервных белеют носовые платки.

И даже на предметах лежит отпечаток этой всеобщей подавленности.

Домом, который посетило на этот раз горе, была нью-иоркская тюрьма.

Опустевший стул несколько рознился от общепринятых привычных стульев, на которых приятно отдохнуть, ибо это был электрический стул для казни.

А горе нежданно-негаданно стряслось с самим палачом...

Еще вчера, глядя, как он ловко прикручивает смертника ремнями к стулу и подмигивает при этом священнику, бормочущему напутственные молитвы — еще вчера никто бы не мог предположить, что на следующий день все пойдет прахом и счастливое лицо дома оденется тенями траура.

Он не вышел на работу. Он прислал сказать, что не выйдет до тех пор, пока не получит прибавки за свой труд, и что вообще довольно этой наглой эксплоатации трудового элемента *).

Эти заявления были приняты при гробовой тишине, и вдруг из груди у всех присутствовавших вырвался вопль:

— Боже! Какой ужас!

Приговоренный к казни упал в обморок и, когда его привели в чувство, шептал:

— Идите к нему! Попробуйте уговорить! Скажите, что я *очень* прошу, чтобы он сделал для меня это маленькое одолжение — казнил бы меня...

Нет! Ничто не могло расшевелить этого бесчувственного человека!

— Передайте, — сказал он, — что мне наплевать на всех смертников в Америке! Пускай казнятся, как хотят! Я больше не шевельну для них и пальцем, пока не получу прибавки.

Тогда все смертники впали в отчаяние: они рыдали, проклинали палача и требовали, чтобы администрация изжила возможно скорее это неприятное затруднение.

Администрация сбилась с ног, бегая к забастовщику. Администрация лишилась языка и хрипела, делая отчаянные попытки уговорить забастовщика.

— Пятьдесят долларов. Идет? Мы даем вам прибавку в пятьдесят долларов.

— Сто пятьдесят и ни цента меньше, — хладнокровно отвечал упрямец.

— Послушайте, мистер, но это же дьявольски дорого: за каждую жизнь надбавка в сто пятьдесят долларов! Подумайте сами!

— Мне думать нечего. Разве жизнь кругом не дорожает? Разве я не переплачиваю на мясе и на молоке? Нет, меня не подденете!

Его пробовали испугать:

— Ну, ладно. Не хотите, не надо. Найдем другого.

— Ха-ха ха! — злорадно рычал он. — Хотел бы я знать, где вы найдете штрейкбрехера! Нет, милый, это вам не удастся! Читайте-ка!

Он вытащил кипу телеграмм со всех многочисленных углов Америки, отовсюду, где есть хоть маленькая тюрьма.

Почти все телеграммы были одинаковы:

„Держитесь! Не сдавайтесь до победы! Мы, палачи, все с вами! В единении — сила“ и т. д.

— Посмотрим, какой молодчик попробует итти против нашего союза! Раскошеливайтесь, или я не сдвинусь с места!

Три дня над домом висел этот ужас ожидания.

— Ну, что? Как?—бросались со всех ног к администрации.

— Надежда еще не потеряна... Мы даем сто двадцать. Он, кажется, колеблется.

И снова тянулось медленное время. И снова все ждали, перешептываясь по углам. Надежда на смерть слабо загоралась в душе.

— Сто сорок... Еще немного и конец!

— Сто сорок пять...

— Сто пятьдесят. Гип, гип, ура! Он встал! Он идет на работу!

Как будто разорвалась завеса, скрывавшая солнце. Дом ожил, дом наполнился шумом и ликованием.

Палач, поплевывая по сторонам, не торопясь, шел к стулу.

Смертники записывались в очередь...

И. Прутков

---

*) „Забастовщик“ требует прибавки 150 долларов за каждую казнь. (Из газет)

СИЯНС В ПОКОТИЛОВКЕ

Директор Дер-Кино, солиднейший мужчина,
Уткнувшись носом в плотный протокол,
Сказал:—В деревне—жуть и мертвечина,
Ей даст кино живительный укол.

Сотруднички поддакивали чисто,
Начальству глядя в золоченый рот.
Директор мысль свою развил речисто
И делу дал законный оборот.

А Покотиловка лежала за лесами,
За тридевять земель, в безграмотной глуши,
Не знала, глупая, что едет с чудесами
Столица, на предмет спасения души.

В багажном ехала в тюках аппаратура,
Механики—в плацкартном, нач—в купэ.
Лежала за окном апрельская натура,
И в сердце строились заветы ВКП.

Сошли на станции, кивнули шустрым бабам,
Пугливо уместились на возах,
Пошли нырять по дьявольским ухабам,
С распутицей в душе и трепетом в глазах...

С утра развесили ребята по заборам:
«Сиводни вечером единственный Сиянс!!!
И ровно в семь часов избач с лихим пробором
Затренькал под кино чувствительный романс.

Дышали зипуны в суседские затылки,
Визжали бабы, ржала детвора;
На полотне графинин хахаль пылкий
В испуге, без штанов, дал ходу со двора.

А старый граф, стрельнув из револьвера,
На шлюху, на жену без памяти орал:
Умри, паскудница, не жить тебе, холера!
Чтоб чорт тебя с любовником побрал!!

Под потолок ударил зычный грохот:
— Держи подлюгу! Бей его!! Лови!!!
Нач Дер-Кино впивал сермяжный хохот,
И сердце таяло в отеческой любви.

И лишь один, кривой, но крепкий дядя
Сквозь зубы выцедил неистовый плевок,
Вскочил впотьмах, на полотно не глядя,
И бабу к двери грузно поволок.

И выкатился вон, как баба ни просила.
— Ну, что смотреть? Эх, дурья темнота!
Видать, опять буржуи ноне—сила:
Столицам—жисть, деревне—ни черта!!

Александр Флит

АЛИМЕНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

— Гражданин судья, да я уже выплачиваю три трети моего жалованья на алименты.

— Чем-же вы живете?

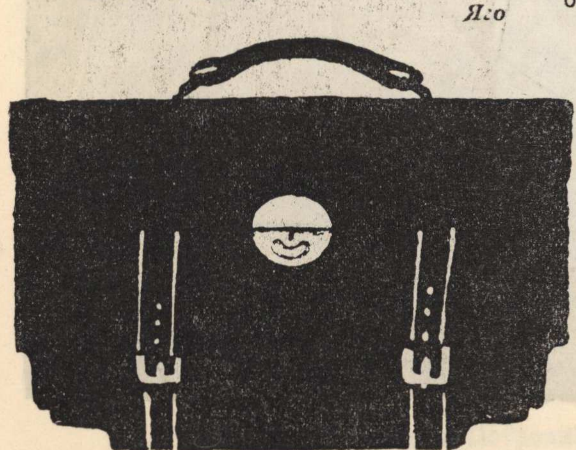
— А жена моя алименты с другого получает.

О „ПЕРЕРОЖДЕНЬИ“

В общественных столовых бой посуды достигает значительных размеров.

Что мода?—Даже слово бой
(В нем пели пушечные гуды!)
Переродилось в... *мордобой*
И бой посуды!

Яго

КОНКУРЕНЦИЯ

Кишечные заводы в Саратове (один — Центрокишпромторга, другой — местных боен) безобразно конкурируют между собой: сманивают друг у друга рабочих, повышают цены на сырье, чтобы не уступить конкуренту, и т. д.

(„Правда“ № 76)

Ослепительно-светлое солнце весело смеется с яркого, как новый голубой полушалок, неба.

На черных, еще парных, проталинах нетерпеливые мальчишки уже затеяли азартную игру и, залихватски покрикивая, вышибают увесистыми „свинчатками“ прошлогодние „бабки“.

Скоро будут новые: у дяди Пахома, у Евсея и Никанора режут скотину.

По грязной разбитой дороге едет телега. В телеге — человек в кепке. Под мышкой у человека портфель, на глазах у человека очки.

— Кишечник приехал!..— кричат ребята и, забыв игру, вприпрыжку следуют за телегой.

Лошадь останавливается у Пахомовых ворот. Человек в кепке поспешно перекидывает ноги через грядку телеги и, хлопая галошами, бежит во двор.

Во дворе он сразу же натыкается на Пахома.

— Резали? — спрашивает кепка, поправляя соскользнувшую с ноги галошу и тяжело отдуваясь.

Пахом подносит ладонь к глазам.

— Не... Будем.

— Кишки за мной,—говорит человек в кепке и шарит рукой в портфеле. Достав оттуда бумажку, он торопливо сует ее в руки Пахому.

— Чего-й-то? — не принимая денег, спокойным голосом спрашивает Пахом.

— Деньги.

— Де-е-ньги? — тянет Пахом:—зачем деньги?.. Мне деньги без надобности.

— Как без надобности?.. А за кишки?

Пахом чешет поясницу и вздыхает.

— Получены деньги-то. С боенских получены. Продано.

— Как продано? Ты-ж мне обещал?..

— Чего обещал? — обижается Пахом: — боенски на копейку больше дают.

— Пойми-ж ты, дурья голова,—возмущается кепка:—боенский завод местный, а мы центровой организации завод—Центрокишпромторга..

— Это все едино,—сплевывает Пахом:—обидно мне меньше взять.

Человек в кепке вынимает блокнот и карандаш и что-то быстро считает.

— Ну, вот, ежели тебе обидно, то по две копейки накину.

Пахом оставляет бороду и щурит глаза.

— Что-ж... коли так, то можно... Нам ихние деньги без надобности... Деньги вернем... ежели центра...

Приезжий сует в руки Пахому деньги, карабкается на телегу и едет к Евсею.

Через пятнадцать минут к избе подъезжает другая телега.

В телеге сидит человек в кожаной фуражке. В руках у него тоже портфель.

Увидя в окно приезжего, Пахом выходит на крыльцо и, пнув ногой задремавшую на солнце собаку, протягивает гостю деньги.

— Что это?—таращит глаза гость.

— Как что?—вздыхает Пахом:—известно дело, деньги.

— Зачем?..

— Известно, зачем... Проданы кишки-то... Кишторгу этому..

— Как проданы?!.. Я-ж сговорился с тобой...

Пахом нагибается и поправляет съехавшее голенище.

— Мало-ль, что сговорился... А ежели мне кишторговски по две копейки накинули, то оченно мне обидно... Держите деньги-то...

Человек в кожаной фуражке снимает перчатки и, загибая палец за пальцем, что-то считает. Подумав с минуту, он вдруг выпаливает:

— А если по три копейки?..

Пахом задумчиво глядит на носок сапога.

— По четыре!!!

Пахом снимает фуражку и кланяется.

— Покорнейше благодарим...

Через полчаса, когда человек в кепке проезжает мимо Пахомовой избы, босоногий мальчишка выскакивает из ворот и орет благим матом:

— Дяинька, с кишками!.. Сто-ой!..

Лошадь останавливается. К телеге неторопливо направляется Пахом. В руках у него деньги.

— Боенски-то по четыре дают,—говорит он мрачно:—обидно мне...

Человек в кепке всплескивает руками.

Сплюнув на сторону, он достает из портфеля блокнот, снова вычисляет и, с перекошенным от злобы лицом, кричит:

— По шесть!!!

Пахом низко кланяется и уходит.

— Баба,—говорит он жене, улыбаясь в бороду,—соли кишки то крепче... Авось, до гривенника догоним.

В городе образуется комиссия: „по изучению причин поднятия цен на сырье“. Заводы свертываются.

Р. Волженин

ТАКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Вопим мы в рвении святом:

— Блюди бюджет! Храни наличность!

Я встретил (где—скажу потом) одну достойнейшую личность.

Она сказала - и слова для слуха песней прозвучали:

— Реклама? Пышность? Чорта-с-два! Размах держи, брат, на причале! Приход с расходом увязав, мы нынче к трезвости взываем мол, не угодно-ль, милый зав, на службу следовать трамваем? А то: пешечком шагом марш! Прошелся—и берись за дело. И никаких чтоб секретарш по кабинетам не сидело!

Я так смотрю на сей предмет: на скромность надо делать ставку. Изволь улечься в рамки смет. Не можешь—подавай в отставку. Тянись, мол, до последних жил. Не смей, мол, ослаблять нажима. Я лично—еслиб я служил—держался-б этого режима.

Мы, извините, лишены щедрот изысканного барства. Будь Гарпагоном для страны! Будь Плюшкиным для государства! Всему—предел. На все—запрет. Живи, как хрыч. Рычи, как Каин. Теперь, брат, каждый зав и пред—слуга, а вовсе не хозяин. Пусть не доест, пусть не доспит, за всем глядит, о каждом тужит...

— Позор!—читатель завопит.—Такая личность—и не служит?! Чтоб сократить расходов рост, чтоб взять в основу осторожность—дать ей ответственнейший пост! Дать ей скорейшую возможность осуществить и доказать разумную экономичность!..

Читатель! Дай-же мне сказать—где встретил я такую личность.

Орать, не выслушав, не след. По взглядам не суди о нравах.

Она уже служила в зав'ах—и получила 10 лет.

Не вопрошая, почему—прими сей вывод сердцем чистым:

— Любой растратчик, сев в тюрьму, становится экономистом!

А. д'Актиль

БЕЗРАБОТНЫЕ МЫСЛИ

1. Если тебе скажут, что в Вавилонской башне был Жакт, не спорь! Ибо воистину на любом заседании Жакта все жильцы говорят на разных языках.

2. Знай, что самым лицемерным существом в мире является Откомхоз, ибо он держит камень за пазухой, вместо того чтобы мостить им улицы.

3. Удивительно, как до сих пор не снята пошлина с заграничных фильм. Ведь по совести сказать, фильмы эти достаточно опошлены.

4. Если приходится со свиньи получать алименты, то больше чем на пятачок рассчитывать трудно.

5. При виде фининспектора снимай первым шляпу, ибо если не ты ее снимешь—так уж он снимет обязательно.

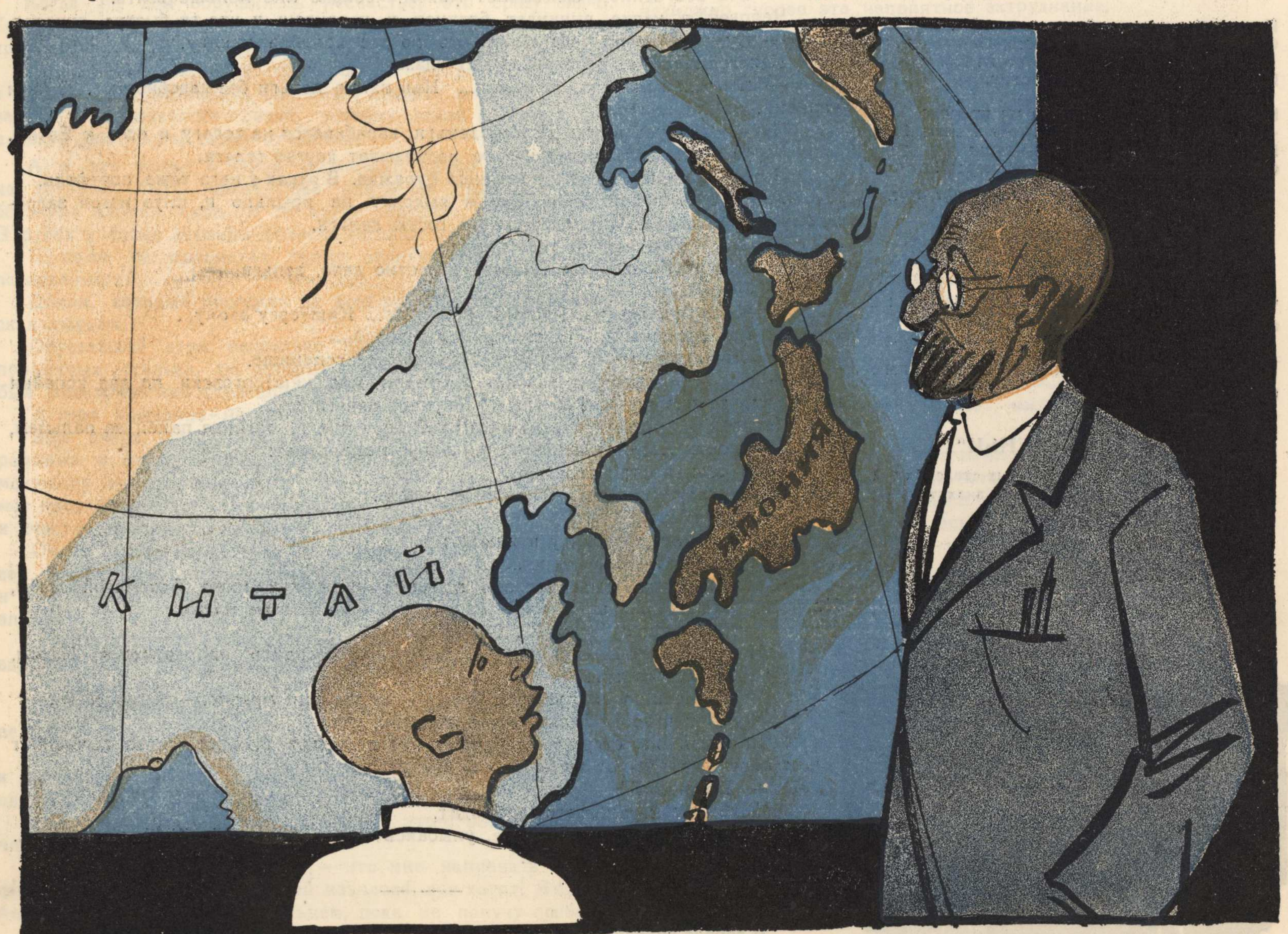
6. Заходя в магазин, где продают по рабкредиту вещи, закрывай дверь! Неровен час — надуть может.

М. К—ий

КОГДА ГЕОГРАФИЯ БЫВАЕТ ПОЛИТГРАМОТОЙ

В особом совещании, под председательством Троцкого, состоялось заседание, посвященное качеству учебных пособий. Выяснилось, что на картах расплываются границы.

Рис. Л. Бродаты

— Где границы Японии?

Ученик (боком взглянув на карту) Где-то в Китае, товарищ учитель

НЕ ПОЗОР, А НЕСЧАСТЬЕ

Рис. В. Лебедева

Губздрав ввел обязательную регистрацию заболеваний гриппом.

— Представьте, Лидия Петровна, какой ужас: эти Сердюковы из второго номера в незарегистрированном гриппе живут!!

ТЕАТР В ЖИЗНИ

Рис. Ив. Малютина

ЧЕРНАЯ ДОСКА

Когда воскресным утром Иван Гладков подъезжал к волости, его лошаденку обогнал паровоз.

Оба они—и лошаденка, и паровоз—сердито фыркали друг на друга: лошадь—по мере сил, а паровоз—во всю свою утробу.

Ивану Гладкову на базаре нужно было купить мороженой рыбы, а для бабы—гарусу. В сущности, покупки—пустяковые и из-за них не стоило тащиться за 12 верст. Но на базаре для Ивана Гладкова и для иных прочих был заветный ряд, где торговала всякой всячиной Дарья Стрекунья.

Ох, и сволочь-же эта Дарья!—любого мужика округ пальца обведет, да сама же и насмеется.

Иван Гладков обошел весь базар, а напоследок подошел к Стрекунье:

— Здрасти!

— Здрасти, коль не шутите!

— Как живете-можете?

— Очень просто.

— Ишь ты ведь... А как на счет горяченького?

— Это тоже—очень просто.

Стрекунья поднялась с своего сиденья, вынула из-под себя сначала стакан, потом бутылку и, прикрывая шалью, налила.

Иван Гладков степенно усы расправил и выпил. Отдал Стрекунье три пятака, посмотрел на сизое небо, по которому летали галки, и проговорил:

— Важно!

Вот и все.

Все-то все, да не особенно. С этого и началось.

В том самом поезде, паровоз которого расфыркался с лошадью Ивана Гладкова, приехал в волость человек из губернии.

Был он во френче и во всем прочем.

И надо же было такой беде случиться, что очутился он около Ивана Гладкова в тот самый момент, когда тот усы вытер и сказал:

— Важно!

Приезжий в ту же секунду догадался.

— Ага! Самогон!.. В то время когда транспорт... борьба за качество... тяжелая индустрия...

— Я им покажу кузькину мать, как ее звать!

Короче говоря, на расширенном пленуме Вик'а приезжий сказал речь:

— Постольку, поскольку мы своими мозолистыми мозгами... Бесполезная конгрегация и зловредная латифундия... В общем и целом независимая ни от чего функция.

Еще короче говоря, приезжий предложил революционную и неистребимую войну с самогоном.

— Для окончательного результата—всех самогонщиков на черную доску!

Очень даже просто. Так и записали.

Теперь дальше.

Дело было к вечеру, делать председателю Вик'а было нечего, и пошел он к маляру Евграфу Романову, который в куполе богу Саваофу наружность подправлял.

— Ну, кажись, все... Давай занавес!

ПОДПИСЬ НА ВЫБОР

Рис. Н. Радлова

На лекции: „Как избавиться от беременности". Или: как избавиться от беременности на лекции.

— Намалюй ты мне, друг любезный, черную доску—восемь на шестнадцать, а на ней белым имя-фамилию из злобча всю анкету самогонщиц. Могешь?

Евграфу Романову все равно—что ни малевать: усы богу Саваофу—так усы, анкету—так анкету.

Взялся за анкету.

Еще сажа с маслом на доске не обсохла, а он уже белым по черному выводил:

> САМОГОНЬЩИЦЫ:
>
> 1) *Имя.* Дарья.
> *Фамилия.* Стрекунья.
> *Происхожденье.* 34 года.
> *Специальность.* Вдова.
> *Адрис.* Речной проулок. Ход скрозь попа. Рядом с баней.
>
> 2) *Имя.* Ефимья.
> *Фамилия.* Нампукина.
> *Особые приметы.* Девица.
> *Адрис.* Кривуши, пройдя огородом писаря Курдюнисова.

И так далее.

Всего восемнадцать душ.

Рано утром в воскресенье Иван Гладков приехал в волость на базар и купил бабе своей шпульку черных ниток.

Обошел весь базар и вышел в заветный ряд. Все было как следует, а только нет Дарьи Стрекуньи.

Иван Гладков пошарил глазами туда-сюда—нет бабы. Словно скрозь землю провалилась.

Посмотрела на него Фрося Семизадова (гладкая баба, хоть и галантереей торгует) и спрашивает:

— О Стрекунье скучаете?

— Н-нет... Злобча... А куда она запропастилась?

— В больнице. По бабьему делу.

— Тэк-с...

Иван Гладков постоял. Помялся. Полу на тулупе отряхнул.

— Тэк-с... А как же нащот того... нащот самогону бы? Приезжий—я. Экую даль отмахал...

Фрося посмотрела направо, посмотрела налево и заговорила певуче:

— И-эх, касатик! Строгости теперь пошли—упаси бог. Человек из губернии приезжал... Страху нагнал.

— И-и-и! С корнем, говорит, его—это самогон-то и... чтобы никаких отростков.

Иван Гладков вынул из кармана шпульку, повертел ее.

Ну, зачем ему шпулька? Нешто для нее он 12 верст продрал?

— А може, на селе у кого? А?

Гладкая баба Фрося Семизадова задумалась.

— Уж и не знаю, касатик, что тебе присоветовать!.. Сходи-ка ты, голубь, в исполком. Там, на главной лестнице, доска висит,—такая черная. А на этой-то доске все прописано—у кого и где. Мы-то знаем, а это, видать, для приезжих...

Вот и все.

Аркадий Таванов

СОВРЕМЕННАЯ ДРАМА В 15-ти СЛОВАХ

Встреча.	**Всего!**	**Взяли.**
Контакт.	**Выявили.**	**Судили.**
Дал.	**Проработали.**	**Припаяли.**
Взял.	**Вырешили.**	**Изжили.**
Пока!	**Увязали.**	**Определенно!!!**

А. Флорин

ДВА ПРЕТЕНДЕНТА

(Без Мэри Пикфорд)

К журналисту пришел фининспектор и сказал:

— За вами долг в 30 рублей. Я опишу вас на 30 рублей.

Журналист улыбнулся и ответил:

— Скорей я допущу мысль, что я вас опишу на 30 рублей, чем вы меня.

— Не болтайте!

— Хотите пари?

И эти два человека поспорили. Фининспектор тут же описал письменный стол журналиста, его штаны и кровать.

Но письменный стол—принадлежал хозяйке, штаны были взяты в Гуме в долгосрочный кредит, а кровать была „прокатная". И фининспектор ни копейки не выручил.

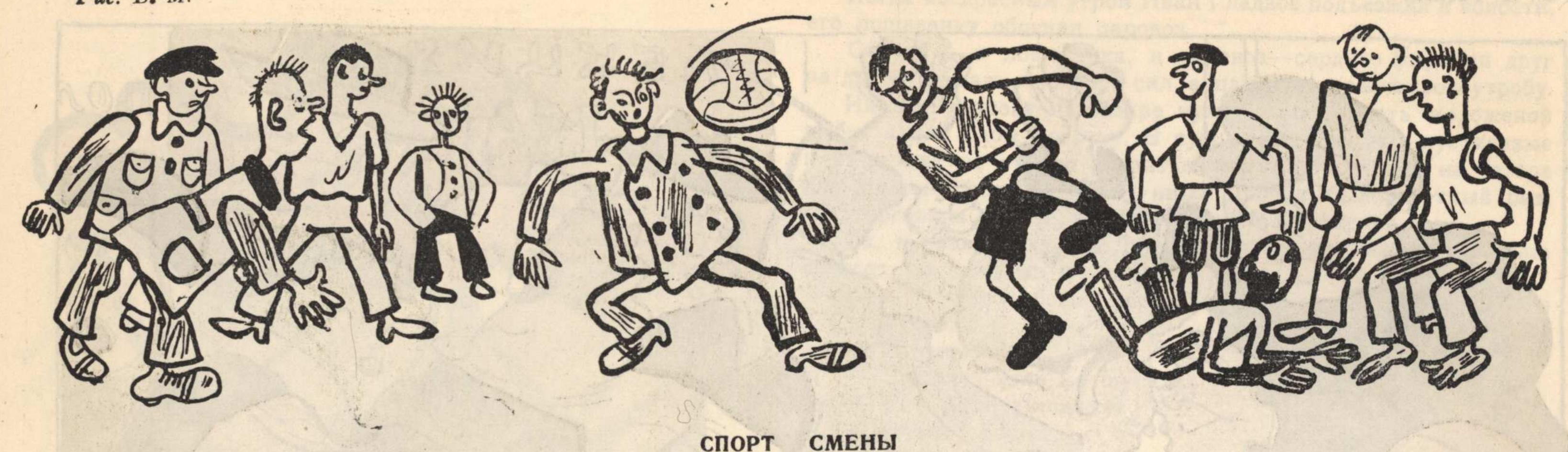
А журналист? Он описал фининспектора, со всеми его привычками и манерами, и снес фельетон в редакцию. Фельетон был принят, и журналист получил 30 рублей.

Искусство могущественнее, чем жизнь.

М. К-ий

СПОРТСМЕНЫ

Рис. Б. М.

СПОРТ СМЕНЫ

40 ЛОШАДЕЙ И 8 ЧЕЛОВЕК

СКАЗКА ПРО КУКУРУЗНОГО БЫЧКА

Рассказывает „Красная Газета"—

> Для нужд Выбитского № 1 винокуренного завода на ст. Сольцы прислали 7 вагонов кукурузы. Кукуруза прибыла, а денег на выкуп нет. *Через месяц за простой вагонов уплачено было около 800 руб.*

Понатужилась администрация—продала кукурузу „франко—вагон", заплатила за простой. Все—честь честью. Потом смотрит—где же кукуруза? А кукуруза на выкуп пошла. Делать нечего. Выписала администрапия новую партию. Все честь честью. Пришла кукуруза. Постояла в вагонах с месяц. Денежки на выкуп пожалуйте. Почесала администрация за ухом—пожалуйста. Кукурузу продала, за простой уплатила. Все честь честью. Смотрит—куда-ж кукуруза подевалась и т. д., вплоть до „выкупа" самой администрации завода.

Впрочем, такую администрацию и даром никто не возьмет. Себе дороже.

КРОВАТЬ С ПЕРИНОЙ

— Знаете ли вы Готтарда Фердинандовича Паукcера?

— Нет, вы не знаете Паукcера!

Приехал гражданин Паукcер из Москвы в Харьков управлять Харьковским отделением „Реалфонда" и моментально по приезде послал в Москву нижеследующий счетец (спешной почтой):

СЧЕТ

Никкел. кровать с периной	250 р.	— к.
Стол обеденный	50 „	— „
Стол письменный	100 „	— „
Шкаф зеркальный	120 „	— „
Буфет	130 „	— „
Портьеры	33 „	— „
Сервант с зеркалом	130 „	— „
Умывальник с зеркалом	125 „	— „
Занавесы	32 „	— „
Скатерти	12 „	50 „
Люстра	50 „	— „
Стулья	53 „	— „
Письменный прибор	9 „	— „
Ножи и вилки	8 „	75 „
Тарелки	5 „	75 „
Стаканы	2 „	10 „
Обои	144 „	— „

И так далее, и так далее.

(„Коммунист").

Правление счетец оплатило, а Паукcер, в благодарность, Правлению телеграмку загнул: „Москва Реалфонд. Прибыль октябре 5000, оборот ноябре предполагаем 300.000 точка Паукcер". А по расследованию „Коммуниста", за все восемь месяцев существования Реал-Фонда, с апреля по декабрь, оборот равнялся... 23.000 рублям!

Зато Паукcер, товарищи, спит на никелированной кровати с периной и, по всей вероятности, состоит председателем „комиссии по борьбе с роскошью".

Хорошее слово—экономия, да с чем его едят—неизвестно!

СМЫЧКА... ПО-КЕРЧЕНСКИ

В керченском комсомольском клубе висит следующее объявление („Кр. Керчь", № 60):

> «Т. т. беспартийные, если хотите быть членами клуба КСМ, то подавайте в правление заявление и найдите 2-х поручителей с $1^1/_2$ годичным стажем КСМ или ВКП».

Товарищи керченские комсомольцы! А ежели беспартийному в читальню сходить при клубе, лекцию послушать или на докладе посидеть,—запрещается, стало быть, без партийной рекомендации? Развивается Керчь: прежде славилась только своими селедками, теперь же — и комсомольским клубом!

ЭХ, СИБИРЬ, СТРАНА СУРОВА!..

Так пели сибирские каторжники в свое время. Теперь эту невеселую песенку распевает учитель Марченко в Ново-Сибирске.

В самом деле:

> На днях учитель Марченко получает предписание за № 751 следующего содержания: *„Окроно сообщает, что с 1 февраля с. г. Вам прекращается отпуск дров, воды, освещения и др. коммунальных услуг при 3-й школе. Причитающаяся же с вас сумма за пользование коммунальными услугами с 1 октября 1925 года по 1 февраля с. г. будет Вам объявлена в ближайшее время для оплаты.* (Подписи).

Что же не прекращено? Во-первых, учебные занятия, составляющие обязанности учителя Марченко, а во-вторых, издевательство тупоголовых безответ-работников Ново Сибирского Окроно, фактически выгоняющих человека зимой на улицу. Имеем скромное предложеньице к беспорядку дня: *Прекратить отпуск излишней энергии просвещенным администраторам Сиб-Гос-Культуры.*

СКУШНО МНЕ, ТОШНО МНЕ

Какая жизнь в Судогде? Противная жизнь! Сонная. Никаких развлечений.

Заскучал, в числе прочих и брандмайор местной пожарной команды.

Поплевал в потолок и решил ложную тревогу устроить. Картинно описывает дальше бойкое перо местного репортера.

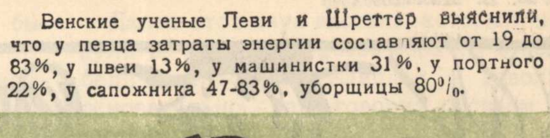
> Трещат звонки, бьет колокол, бегут, как угорелые, пожарники, чинно спускается с лестницы брандмайор. Привычным оком скользнул по серым героям, сосчитал, нет одного. Куда он распро...
>
> — Где Петров?
>
> — На каланче, товарищ брандмейстер.
>
> — Кой он забыл?
>
> — Дежурит.
>
> — Ехать, так всем ехать. *Каланчу можно на замок.*
>
> — Товарищ брандмейстер!..
>
> — Молчать...
>
> * * *
>
> — Дневальный! Лезь с каланчи.
>
> — Товарищ брандмейстер, а ежели пожар?
>
> — Какой там к чорту пожар. Лезь, тебе говорят!
>
> — Товарищ брандмейстер, а что и в самом деле загорится?
>
> — *Ни черта, ты за это не отвечаешь.*
>
> Дневальный слез. Каланча была закрыта на замок и вся судогодская команда поехала на прогулку по главной улице.

Везет же брандмайору в Судогде: и развлекается человек, и в то же время—при исполнении служебных обязанностей.

Попробуй, подкопайся!

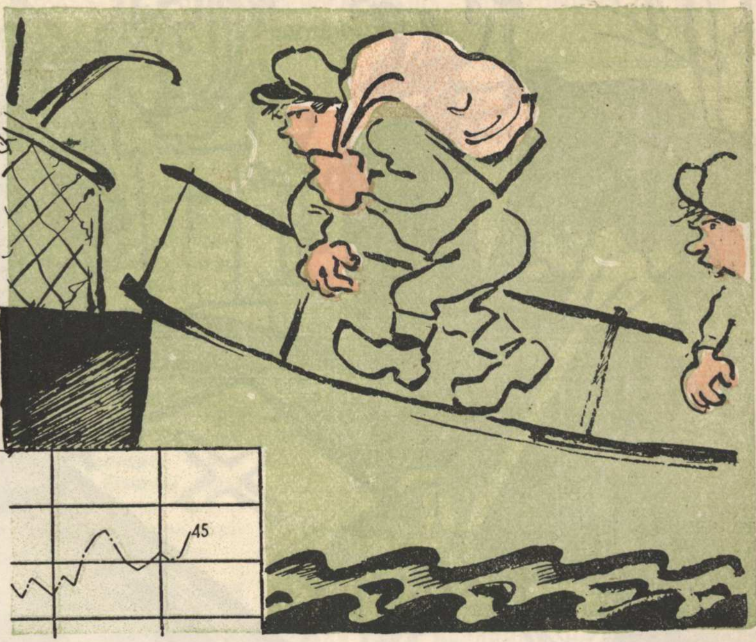
ПРОФЕССИИ И ПРОФЕССИОНАЛЫ

Рис. Н. Радлова

Венские ученые Леви и Шреттер выяснили, что у певца затраты энергии составляют от 19 до 83%, у швеи 13%, у машинистки 31%, у портного 22%, у сапожника 47-83%, уборщицы 80%.

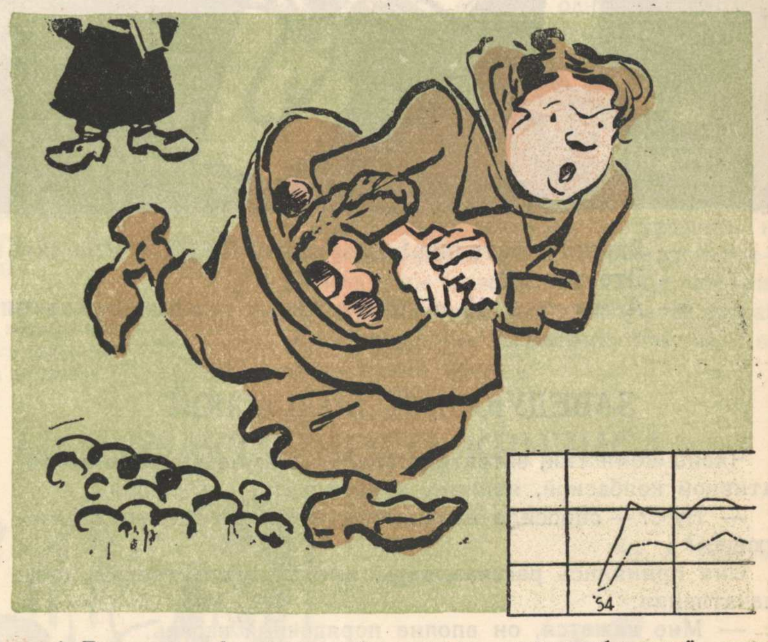
1. Средний врач, чтобы зашить в желудок больному портсигар и вынуть таковой обратно, тратит не менее 56-ти энерго-единиц.

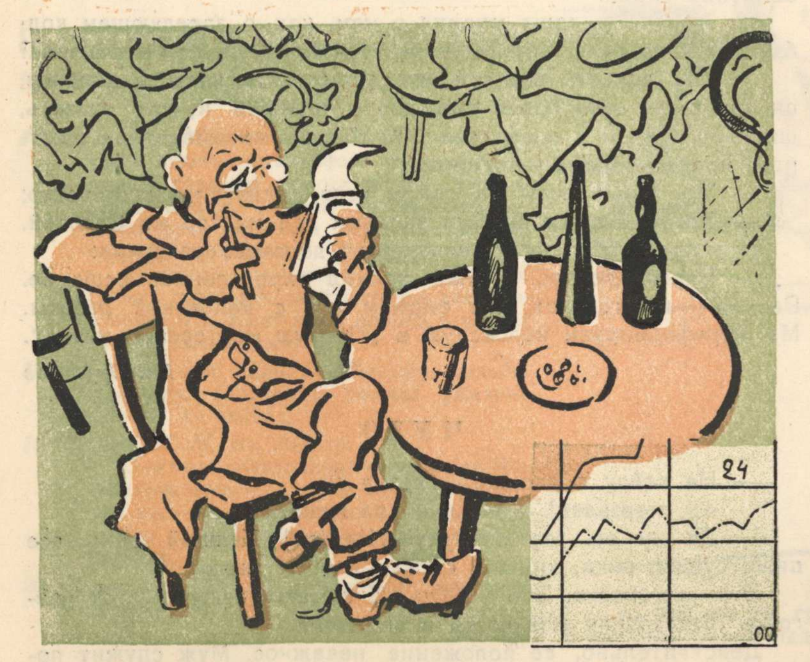
2. Нормальный вузовец, чтобы приготовиться к испытанию по химии, расходует в день до 45-ти энерго-единиц.

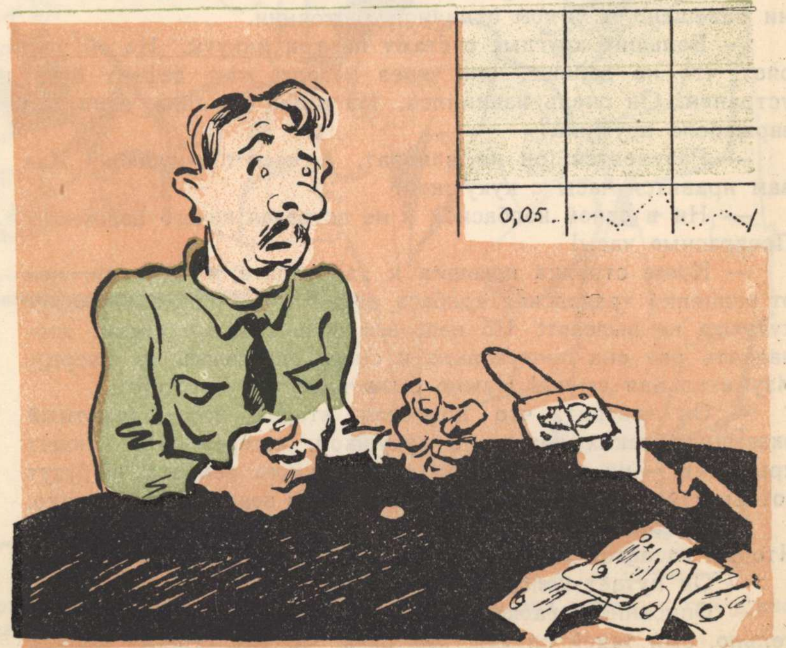
3. Обыкновенная пишбарышня, чтобы написать отношение, потребляет около 38-ми энерго-единиц.

4. Торговке яблоками, чтобы продать один шафранный ранет, требуется не менее 34-х энерго-единиц.

5. Опытный репортер, чтобы придумать хороший пожар с человеческими жертвами, нуждается всего в 24-х энерго-единицах.

6. В то же время, среднему растратчику, чтобы проиграть пять тысяч казенных денег, достаточно всего 0,05 энерго-единиц. Легкая профессийка!

ГРОБОКОПАТЕЛИ

Рис. В. Малаховского

— Здрасте, батюшка! Разрешите бабушку откопать!
— Это зачем?
— А мы ее в 13-м годе в новых галошах захоронили, а нынче нам самим галоши требуются!

ЗАВЕДУЮЩИЙ КОЛБАСНОЙ

Члены комиссии, затратив полдня на изучение дел в кооперативной колбасной, явились к начальству с докладом.

— Ну-с? — спросило начальство: — Что вы скажете о заведующем?

Они принялись рассказывать, выкладывая по-очереди свои впечатления:

— Мне кажется, он вполне порядочный парень.

— Это видно по всему. Кроме того, он очень бережно относится к имуществу. Все стенные часы, сколько их там ни навешено, в самом отличном состоянии.

— Большие круглые отстают на три минуты. Но он уверяет, что не дальше, чем через неделю этот дефект будет устранен. Он очень извинялся. Но разве его вина, если там заржавела пружина?

— Разумеется, он не виноват. А часы с кукушкой? Как вам нравятся часы с кукушкой?

— Ни в одной колбасной я не встречал ничего подобного! Прекрасные часы!

— Когда стрелка подошла к двенадцати, я заметил, как от волнения краковская колбаса дрожала в его руках: а вдруг кукушка не вылезет! Но нет, все обошлось прекрасно: двенадцать раз она прокуковала и снова спряталась за дверцу. Изумительная штука! Нужно было видеть его восторг.

— Он говорит, что приобрел второй, более занятный экземпляр таких часов — с кукушкой, которая даже машет крыльями, — но они требуют капитального ремонта и будут готовы дня через три, если удастся найти подходящее колесико.

— Словом, с этой стороны все обстоит благополучно. Что же касается колбасного производства, то...

— Он путает колбасу с ветчиной.

— Описанного рабкором факта он не отрицает. Действительно, был такой случай, что одна часовая стрелка попала в сосиску. Но это — единичный случай, возможный во всякой профессии.

— Тем более, что стрелка была секундная — очень малых размеров. Он очень жалеет покупателя, который проглотил эту стрелку.

— Оговариваясь при этом, что и сам, в свою очередь, пострадал, так как долго не мог подыскать второй экземпляр такой стрелки для редких часов с гирями.

— Он даже предлагал тому покупателю какие угодно деньги, лишь бы тот поискал в себе пропавшую стрелку.

— К сожалению, поиски не дали результатов. Ведь это — всего лишь малюсенькая стрелка, а не какая-нибудь более заметная гиря!..

— Короче, — ваше мнение о нем, как о заведующем колбасной? — спросило начальство: — Годится ли он для этого дела?

— Мы думаем всетаки, что если взять часы и колбасу, он чувствует себя более свободно с первыми и, так сказать, шапочно знаком с последней. Он больше смахивает на опытного профессионала-часовщика.

— Так оно и есть на самом деле, — сказало начальство:

— До революции он был часовых дел мастер на Садовой.

И вслед затем, после некоторого делового раздумья:

— Благодарю вас. Я уже принял определенное решение. Раз он не годится, мы снимем его с колбасной работы. Мы переформируем колбасную в „Первую мастерскую часов“.

Ив. Прутков

ЧУДО

— Не пойду в пивную, — сказал он.

— Ах, мерзавец! — воскликнула жена.

— Да ну ее, эту пивнуху! Надоело! Каждый день все пиво, сушки, раки, кильки, снова пиво! К чорту!

Это — не сказка. Это — быль. Я слышал сегодня этот разговор. Беседовали мой сосед и его жена.

Действительно, ее положение неважное. Муж служит поденно официантом в пивной и третий день подряд прогуливает. А детей — пятеро!

М. К — ий

Следующий № 17 журнала

СМЕХАЧ

специальный

ВЕСЕННИЙ

выйдет 1-го мая

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

Проф. Ю. А. Филипченко не считает возможным устанавливать отцовство на основании признаков сходства. Здесь нужно подходить с точки зрения наследственности.

Начинается рассказ
С очень простого:
Жил на свете Щукин Влас...
Ну, дак што-ж такого?
Щукин Влас—густой брюнет,
Лидочка—блондинка.
Лида—дева. Он—поэт...
Вам ясна картинка?

Лида сердце отдала.
Дал он Лиде слово.
Лида счастлива была...
Ну, дак што-ж такого?
Но изменчив был поэт,
И пришла заминка —
Он сказал однажды:—Нет!..
Вам ясна картинка?

Лида—твердый элемент,
Лидочка сурова.
Лида просит алимент...
Ну, дак што-ж такого?
Да-с! Семью не сбросишь враз
На манер ботинка:
На суде потеет Влас...
Вам ясна картинка?

Все бы ладно—только вишь,
В чем была основа:
Был ребенок Лидин рыж.
Ну, дак што-ж такого?
Проще: Влас—густой брюнет,
Мать—совсем блондинка.
И врачи сказали:—Нет!..
Вам ясна картинка?

Лида ходит без гроша.
Влас влюбился снова.
Алиментов ни шиша...
Ну, дак што-ж такого?
Врач ошибся. Влас бесстыж,
Просто, как сардинка:
Был ребенок в бабку рыж...
Вам ясна картинка?

Р В—ин

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА“

Непринятые редакцией рукописи не сохраняются

17. *Бузулук, „Молнии“* „Туманный солнца шар волею судьбы метаморфозе подчинился и, ставши бледным лунным диском, ушел в „хаос“ сперва, а после в Ужас-смерть... И встречу пронесся зигзаг молнийно-острый, мертвенный и бледный... и...“

Холодный компресс или горчичник („взять сухой столовой горчицы, развести в воде“ и т. д.) от этого самого, о чем вы пишете, очень помогает.

18 *Ст. Свеча, сел. Юма, С. Миртову.* Судьба, поистине, капризна: рассказ „Каприз судьбы“ не пойдет.

19. *Ростов, Н. М.* Вы пишете:

„Она была воплощенная невинность. Это сквозило отовсюду: из её белокурой длинной косички, из её пухленьких щечек“...

Ваш рассказ сквозит из редакции к вам обратно.

20. *Чита, А. Бел.* За присланный материал спасибо.

Ив. Пр.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Каких только происшествий не бывает на свете!

Пишет насчет ачинской жизни тамошняя газета „Трудовая Правда“:

ПРОИСШЕСТВИЯ.

ОБНАРУЖЕНЫ КРАДЕНЫЕ ЛОШАДИ. Розыском задержаны преступники, укравшие недавно лошадей окрвнуторга и крестьянина Коробейникова. Конокрады задержаны.

ЕЩЕ ПОДАРОК ОТ НАРКОМПРОСА. Назаровская школа крестьянской молодежи получила в подарок от наркомпроса—микроскоп. По отзывам учителей, микроскоп, полученный школой — лучший во всем округе.

ЗАГОТПУНКТ ЗАКРЫТ. Боготольский заготовительный пункт закрыт. Сделано это по распоряжению внуторга, в связи с общим сокращением заготовок

РАЙСОВЕТЫ ФИЗКУЛЬТУРЫ. Окрсовет физкультуры решил создать 4 первых районных совета ФК. Советы будут организованы: в Боготоле, Ужуре, Тисуле и Назарове. В эти районы выслана соответствующая литература и материалы.

Всё это до того страшно, что даже волосы дыбом становятся!

Лошадей прут, школам микроскопы дарят, заготпункты закрывают...

Или не угодно ли — физкультура: в районы высылает литературу и материал!

А за что такое высылает и на какой срок — неизвестно.

Прокуратура, где ты?

*

В „Красной Керчи“ (№ 60) помещено стихотворение некоего Ив. Булатова. Вот отдельные выдержки:

Мой дед—вассал, отец—крестьянин,
А мать—кухарка в городах.
Я с колыбели весь изранен,
Истерзан в муках и слезах.

Далее этот внук вассала, который, надо думать, отнюдь не „весь изранен с колыбели“, а только ушиблен и довольно основательно, так говорит о своем рождении:

В краю, где траурный шиповник
Душил полеты, вольный клич—
Меня в жестокий, знойный полдень
Родил воинственный Ильич.

Все стихотворение в таком духе. Как его могли напечатать? Очень просто—редактор сдал в набор. А редактор кто? Ив. Булатов! Этот самый? Этот самый...

Ну, тогда другое дело...

*

Олег Леонидов в Ленинградской Веч. „Красной Газете“ (№ 20—1926 г.) рассказывает, как писал стихи один недавно умерший поэт.

Ровным бисерным почерком уписывал он один из листиков, потом перечитывал и нервно зачеркивал все, кроме одного какого-нибудь слова, одной строки. Это слово или строку он переносит на другой листок, снова уписывает его до конца...

Тов. Леонидов! Бумажный лист даже ежели он и масляный, не бутерброд, чтобы его уписывать.

*

Вернемся еще на одну минутку к вечернему выпуску „Красной Газеты“.

— Возбуждено ходатайство о предоставлении участковым ветеринарным врачам *бесплатного проезда по трамваю.*

Курсив—самой газеты. Чтобы нелепость в глаза бросалась. И в самом деле: не советуем ветеринарному врачу попробовать проехаться по трамваю ни на лошади, ни даже на велосипеде—трамвайным пассажирам ноги отдавит.

И при том не бесплатно, а за штраф: милиционер не посмотрит, что ты — ветеринарный врач.

ВЕРХ МАНУФАКТУРНОГО КРИЗИСА

Рис. К. Рудакова

— Что же вы, гражданин, с суконным рыльцем в калашный ряд лезете—когда у нас в мануфактурных рядах такой недостаток в сукнах?

Издатель „ГУДОК“. Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

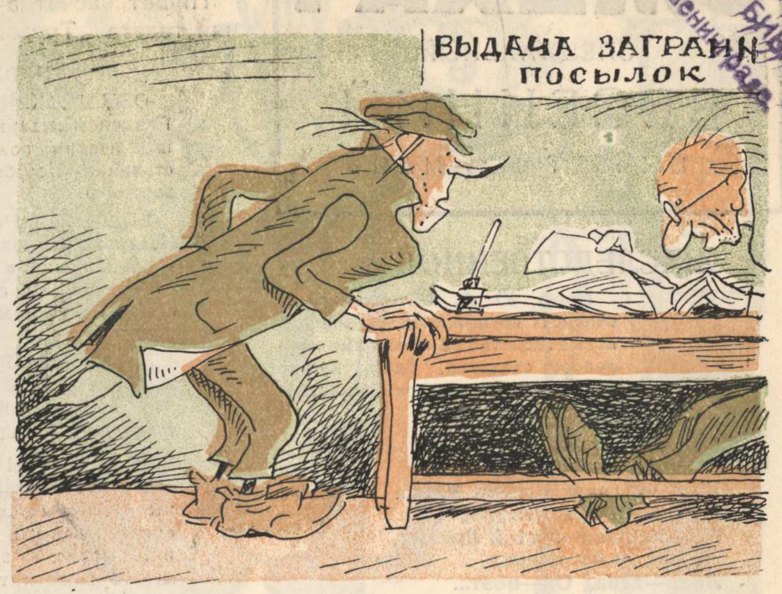
Ленинградский Гублит № 13175. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ № 2592. Тираж 80.000

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН ПОЛУЧАЕТ ЗАГРАНИЧНУЮ ПОСЫЛКУ

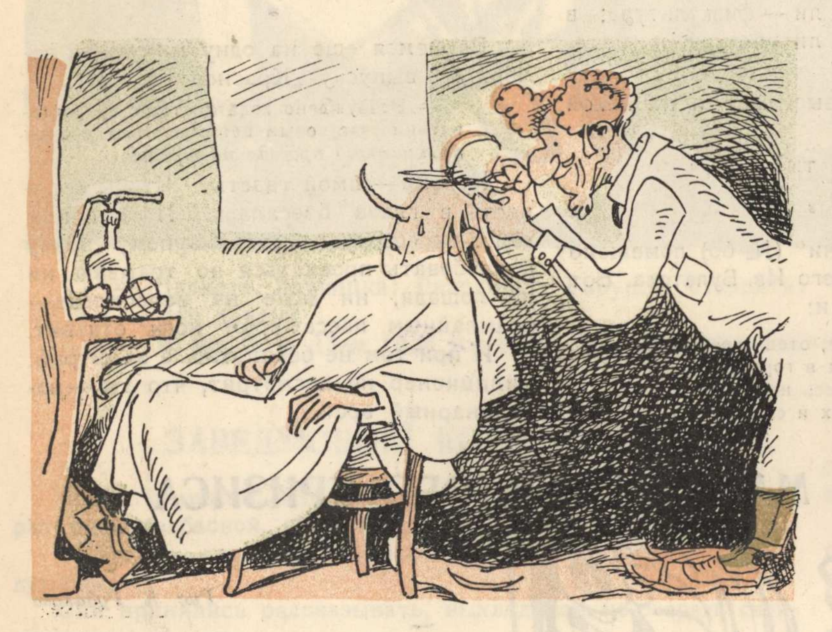
Текст А. д'Актиля *Рис. Б. Антоновского*

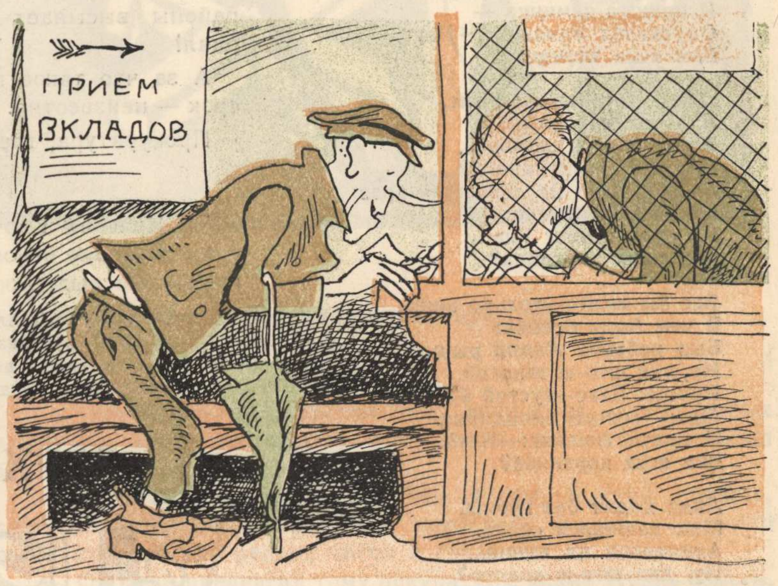
1. Евлампий Надькин как во сне:
— Не может быть! Посылка? Мне?
Да я, товарищ... не тово...
Не знаю в Риге никого!

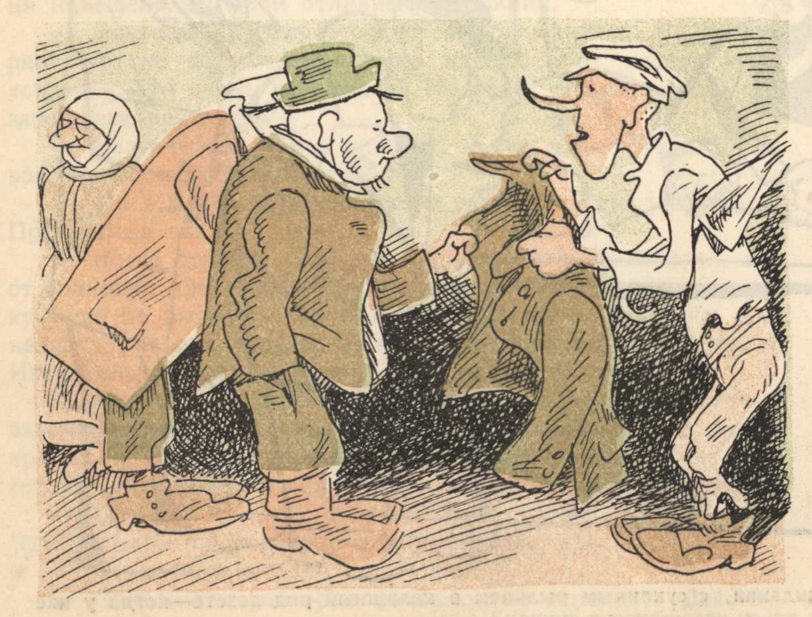
2. Чинуша перечень дает:
— Вам драп-велюр и шевиот,
Чулки, духи и крем-солей...
А сборов—35 рублей.

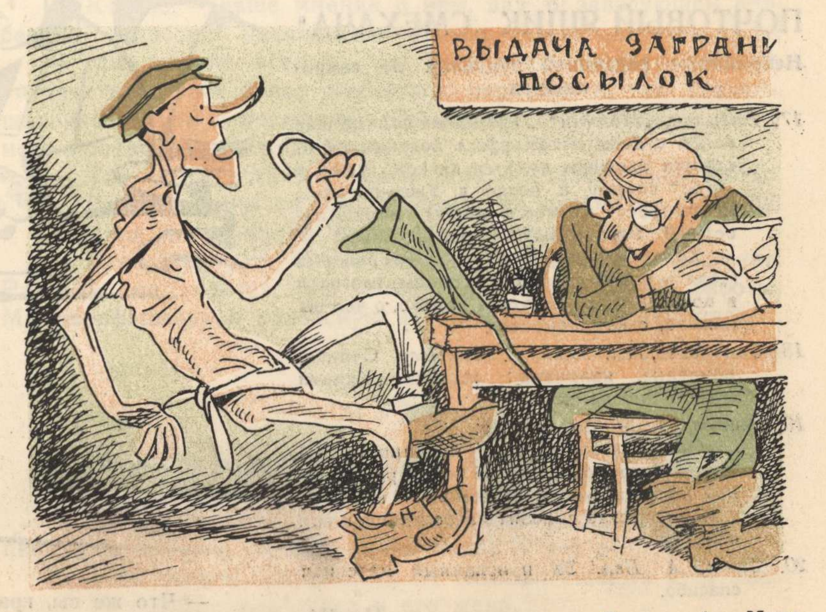
3. Посылка—роскошь! Ай-люли!
Но только: где достать рубли?
«Покупка локонов и кос...»
Читатель, лей потоки слез!

4. Отдать, польстясь на драп-велюр,
Одну из лучших шевелюр,
Снести, с отчаянья, в залог
Старинный бабушкин брелок!

5. И, в заключенье, на толчок
Стащить последний пиджачок!
Но—сумма добыта сполна.
— «Даешь посылку, старина?».

6. — «Па-звольте! Посылка адресована Евграфу Надькину, а у вас в трудкнижке стоит Евлампий!»
Не взвидел Надькин света дня...
Читатель! Кончи за меня!